

Б. А. РЫБАКОВ

АНТЫ И КИЕВСКАЯ РУСЬ

В настоящей статье предполагается поставить вопрос о необходимости изучения непосредственных предшественников Киевской Руси—антов¹.

Первые упоминания антов относятся к III—V вв. III веком датируются греческие надписи из Керчи, содержащие мужское имя *Ἄντις*².

Примерно V веком датируются эпические сказания готов и лангобардов, упоминающие антов.

Для лангобардской легенды «Anthai», «земля антов», является крайним восточным пределом их знаний³. Готские легенды («то, что удержала в памяти седина предков») являлись материалом для Кассиодора и Иордана, историков VI в. Иордан, пользовавшийся не дошедшей до нас работой Кассиодора, сообщает ряд ценнейших сведений об антах⁴.

Как известно, большинство сведений о древних славянах сообщают историки VI столетия—Прокопий Кесарийский, Маврикий, Менандр. Меньше дают нам такие авторы, как Агафий Схоластик, Феофилакт Симокатта, Феофан, Кедрин и сирийские источники.

Особенностью всех византийских историков является то, что они говорят об антах лишь попутно, лишь в той мере, в какой это связано с их походами на Византию.

Сведения об антах обрываются на 602 г. После этого внимание византийцев отвлечено аvaraми и болгарами, отрезавшими антов от империи.

Арабские авторы антов не знают, если не считать одного спорного места у Ибн-Росте, Кардизи и Персидского анонима (Ва-и, Вантит, Вабнит)⁵.

Первое, с чего мы должны начать рассмотрение сведений об антах, это—определение занимаемой ими территории, так как только после этого мы получим возможность использовать, кроме письменных источников, также и вещественные, археологические.

¹ Данная статья является переработкой соответствующего раздела I тома «Истории СССР» (изд. АН СССР).

² А. Л. Погодин—Эпиграфические следы славянства (Сборник статей по археологии и этнографии), СПб, 1902.

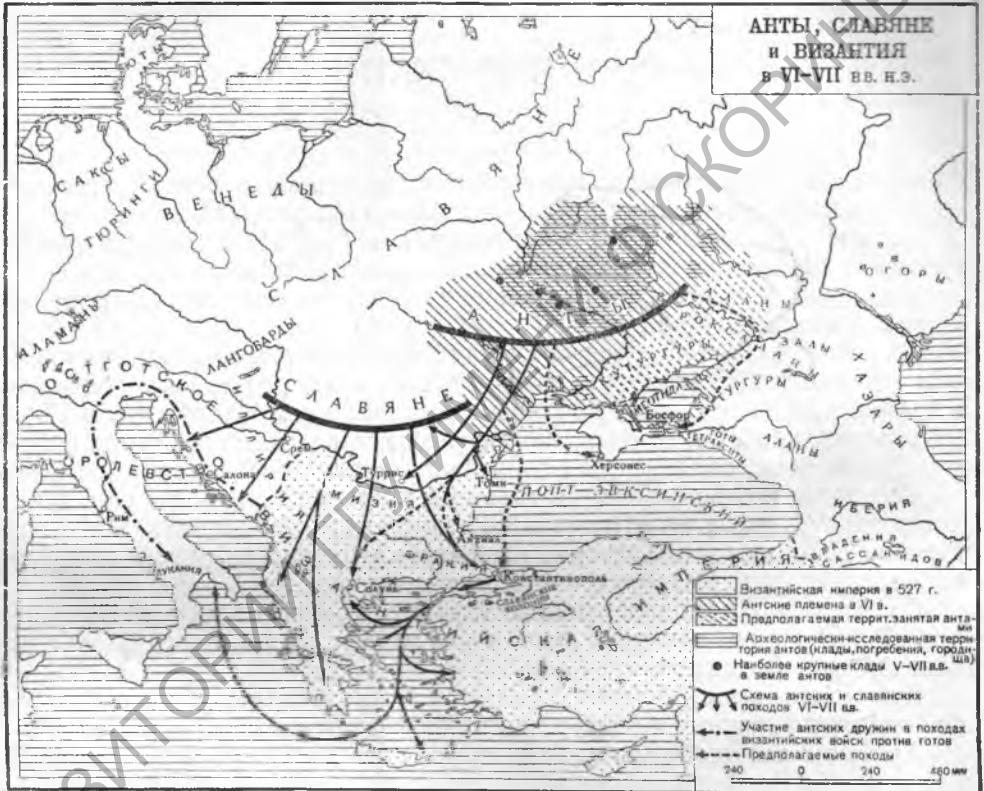
³ Возможно, что слово «Anthai» попало в рассказ о происхождении лангобардов позднее, в VI—VII вв., через готов, так как сами они с антами могли сталкиваться только в качестве византийских союзников в Италии.

⁴ Для данной статьи были использованы извлечения Шафарика и Нидерле. Исключения будут оговорены особо.

⁵ V. A. M o š i n—Trece rusko pleme («Slavia», том V, вып. 4). Praha, 1927.

Иордан сообщает, что «анты же, могущественнейшие из славян, живут на лукоморье Понта до Днестра, находятся даже до Днепра, а эти реки отстоят одна от другой на много дней пути».

Прокопий подходит к описанию антов с другой стороны, именно после описания народов Кавказа, а также Азовского моря, где жили киммерийцы. «А за ними на север,—говорит Прокопий,—сидят бесчисленные народы антов. А около того места, где начинается пролив из озера в море, живут готы, называемые тетракситами».

В одном месте Прокопий отмечает антские поселения на Нижнем Дунае (об этом свидетельствует и Маврикий). Данные Прокопия значительно дополняют Иордана в отношении восточной границы распространения антов. Если провести линию на север от Азовского моря—Меотиды, то к западу от этой линии останется не только весь бассейн Днепра, но и бассейн Северского Донца и левые притоки Дона, т. е. в применении к географии Киевской Руси X—XI вв.: земли угличей, тиверцев, полян, древлян, северян, радимичей, большая часть земли вятичей и аланские поселения на Северском Донце.

Итак, направление на север от Меотиды в VI в. является восточным пределом земли антов, а в X в. восточным пределом славянских племен.

Северная граница антов ни одним из авторов не указана, в силу чего и список восточнославянских племен пришлось ограничить южной поло-

виной. Восточная граница антских племен (наиболее важная и интересная для нас) не всегда определяется исследователями точно.

Л. Нидерле предпочитает понимать приведенные слова Иордана в том смысле, что анты жили только между Днестром и Днепром и что основной их землей была Волянь. В этом сужении антской территории сказалось увлечение Нидерле сопоставлением антов с «валинана» у Масуди. Стремясь доказать тождество антов и валинана (= волянян), он неверно истолковал Иордана, подчеркивавшего далекое распространение антов на восток¹.

Для уточнения восточной границы антов приведу еще несколько фактов.

Прокопий указывает антов в непосредственном соседстве с утургурами, жившими на восточном берегу Азовского моря. В эпоху Прокопия утургуры овладевали Босфором², где еще раньше имелись надгробия, содержащие племенное название «ант». Возможно, что на территории будущего Тмутараканского княжества анты и кочевники-утургуры были перемешаны. Как увидим далее, анты и утургуры имеют одних и тех же союзников (Византия) и одних и тех же врагов (кутургуры, авары), так что не исключена общность интересов антов и утургуров, происходящая от их близкого соседства в районе Босфора и Азовского моря.

Об этом же косвенно говорят и факты, связанные с пребыванием аваров в 558—568 гг. в причерноморских степях. Авары ведут войны с утургурами, антами, залами и савирами. Все эти племена (за исключением антов) находились не только восточнее Днепра, но восточнее Дона и Азовского моря. Когда анты рассматриваются в таком контексте, то их местоположение надо определять где-то поблизости от перечисленных народов, на север от Азовского моря, т. е. как раз там, где их и размещает Прокопий.

Итак, письменные источники определяют землю антов широкой полосой от Дуная до Донца. На севере граница неизвестна, на юге она местами доходит до Черного моря (в районе позднейших поселений уличей и тиверцев по Днестру и Бугу), местами прерывается кочевьями гунно-болгарских орд. Крайним юго-восточным пунктом, с которым можно связывать имя антов, является многоплеменный Боспор Киммерийский, где был, возможно, какой-то антский островок. Уточнить границы антов мы можем, только обратившись к археологическим материалам.

Среди древностей V—VII вв. выделяется одна группа предметов, находящихся как в кладах, так и в погребениях: пальчатые и гладкие фибулы, трапециодные подвески, лунницы, четырехугольные бляшки, серьги с грубой литой зернью, браслеты с расширенными концами, спиральные петли, массивные прорезные поясные пряжки, своеобразные односторонние гребни с высокой орнаментированной спинкой, височные кольца и ряд других вещей. Большинство вещей сделано из бронзы и серебра, но иногда встречаются и золотые.

Многие из этих предметов, особенно более богатые и сложные по технике, обнаруживают большое сходство с вещами, находимыми в византийских городах Северного Причерноморья. Очевидно, часть вещей попала в лесостепную полосу именно оттуда.

¹ L. Niederle—Slovanské Starožitnosti, Praha, 1924, вып. 4, стр. 79.

² М. И. Артамонов—Очерки древнейшей истории хазар. Л., 1937, стр. 15.

Чрезвычайно интересно географическое распространение этой культуры, которую Спицын совершенно справедливо считал антской¹.

Основное ее ядро расположено на Среднем Днепре вокруг Киева, Чернигова, захватывая оба берега Днепра, примерно, от устья Припяти до порогов. Далее на восток эта культура идет в направлении Курска и Харькова, охватывая течение Десны, Сейма, Псела, Ворсклы. Отдельные островки встречаются далеко на востоке около Воронежа, на Дону, а также и далеко на юге—на Нижнем Днепре близ Херсона.

Надо сказать, что ареал этой культуры V—VII вв. подлежит дальнейшему уточнению, но и те результаты, которые указаны выше, представляют значительный интерес. Стержнем культуры оказывается Днепр, а основная масса находок географически совпадает с центральной частью Киевской Руси—с княжествами Киевским, Черниговским, Новгород-Северским, Переяславским.

Из археологических памятников в пределах очерченной территории особенно интересны городища, основные слои которых относятся к VI—VII вв. Такие городища исследовались Н. С. Макаренко около Ромен, мною около Суджи (Гочевское городище) и П. Н. Третьяковым на Ворскле².

Городища роменского типа исследованы еще недостаточно, их распространение еще не выяснено, но при современном состоянии наших знаний можно установить, что они тяготеют к лесостепи. В более северных лесных областях мы встречаемся с иным комплексом бытового инвентаря на городищах, близким к роменскому, но все же иным.

Северной границей городищ, характерных для антской культуры, можно, приблизительно, считать северную границу лесостепи, а южной—южную границу лесостепной полосы. На востоке пределом является (так же, как и для кладов и погребений) река Дон, где П. П. Ефименко исследовал интереснейшее Боршевское городище³. На юго-востоке антские городища соприкасаются с памятниками Салтовской культуры на Северном Донце.

Наименее ясна западная граница городищ. В районе Днепра, наряду с небольшими городищами, возникшими в V—VII вв., мы видим использование местным населением старых городищ скифской и сарматской эпохи, что доказывается наличием слоев V—VII вв. на больших городищах типа Бельского, Пастерского, Мотронинского и др. Характер городищ на запад от Днепра известен нам значительно хуже, так как районы на запад и юго-запад от Киева исследовались чрезвычайно мало. Сопоставляя данные письменных и археологических источников, мы видим, что они дополняют друг друга, не противореча в то же время одни другим.

В итоге мы получаем следующую область распространения «бесчисленных антских племен»: лесостепная полоса от устья Дуная (она опускается здесь почти до самого Черного моря) и далее на северо-восток в направлении на Киев, Чернигов, Полтаву, Курск и Воронеж. Степь освоена антами лишь частично. Очерченная область имеет более или менее

¹ А. А. Спицын—Древности антов (сборник А. И. Соболевского), М., 1927.

² М. Макаренко—Городище Монастырище («Науковий збірник Історичної секції УАН за 1924 рік», т. XIX). О моих раскопках в Гочеве см. Д. Э д и г—Экспедиционная работа московских археологов в 1937 г. ВДИ № 1 (2), стр. 143. Раскопки П. Н. Третьякова еще не опубликованы.

³ П. П. Ефименко—Раннее славянское поселение на Дону.

однородные физико-географические условия и более или менее однородную археологическую культуру.

В прошлом эта территория на всем протяжении знала скифскую культуру, в дальнейшем здесь сформировались восточнославянские племена уличей, тиверцев, отчасти древлян, полян, волян, отчасти радимичей, северян и отчасти вятичей. В VI же веке ее заселяли антские племена. Стоит отметить, что все авторы называют антские племена «бесчисленными», «многочисленными», занимающими большие пространства.

Не менее важным вопросом, чем география антских племен, является вопрос об их связи со славянами.

Антов VI в. мы можем рассматривать, как часть славянских племен, обособившуюся под этим собирательным именем, как предков значительной части восточных славян.

Общность антского языка со славянским засвидетельствована не только показаниями современников, но и дошедшим до нас рядом антских имен.

Правда, все эти имена дошли до нас в латинизированном или грецизированной форме, но имея огромное количество сравнительного материала, можно легко и точно восстановить первоначальную форму¹.

Ант Доброгаст (таксиарх греческого флота в 555 г.), ант Всегорд (византийский полководец), антские князья Бож и Межамир, брат последнего Келагаст и другие антские имена, имеющие ряд русских и общеславянских аналогий, окончательно убеждают нас в том, что анты в VI в. говорили на языке, чрезвычайно близком к языку древнейших русских документов эпохи Киевской Руси. Следовательно, в антах VI—VII вв. мы имеем прямых предков тех восточнославянских племен, из которых спустя несколько столетий сложилось Киевское государство.

Хозяйство антских племен очерчено византийцами очень бледно; их значительно больше интересовали военные приемы и способы борьбы с ними. Тем не менее, некоторые сведения можно извлечь и из стратегических руководств.

Относительно антских и славянских жилищ Маврикий пишет: «В лесах и болотах, посреди рек и стоячих озер, живут они, недоступные посторонним; в жилищах своих устраивают они много выходов, чтобы можно было спастись в случае опасности». В этом описании нельзя не узнать типичного городища с его естественной защитой из болот и озер, городища типа Боршевского или Гочевского, где на центральной площадке расположен сложный комплекс землянок с большим количеством выходов.

Даже обычные для таких городищ ямы-хранилища не укрылись от наблюдательного взора византийского стратега: «Есть у них и бесчисленное множество всяческих плодов, сложенных вместе, и больше всего—проса». Это подтверждается находками зерна в Гочевском городище.

Раскопочные данные хорошо дополняют сведения древних авторов. Городища роменского типа, состоящие из комплекса землянок, являлись укрепленным местом обитания целого родового коллектива.

Землянки (5 м × 5 м) имеют по бокам земляные скамьи, а в середине—правильной формы круглую глинобитную печь. Для построения свода печи иногда применялись конические кирпичи. Рядом с землянками располагались хозяйственные ямы различного назначения: ямы-храни-

¹ Славянскую форму см. М. Моршкун—Славянский именослов, СПб, 1867.

лица, в которых, кроме проса, обнаруживают при раскопках кости домашних мясных животных (коровы, свиньи, овцы, козы). В печных ямах, куда выгребалась зола из печи и бросались отбросы, находят также кости и рыбу чешую.

На городищах встречены железные шлаки, глиняные литейные формы для отливки украшений, железные ножи, серпы, рыболовные крючки, глиняные грузила для сетей, пряслица.

Здесь же, на городище, производилась разнообразная глиняная посуда (в одной из зольных ям удалось найти вылепленный, но еще не обожженный сосуд). Вся керамика—лепная, грубая, с сильной примесью дровяной золы. По своим формам керамика роменских городищ очень разнообразна—большие корчаги, сосуды средних размеров, сковороды, миски и т. д. В Гочевском городище удалось проследить непрерывную эволюцию этой керамики от примитивных форм VI—VII вв. к формам курганного типа (X—XII вв.).

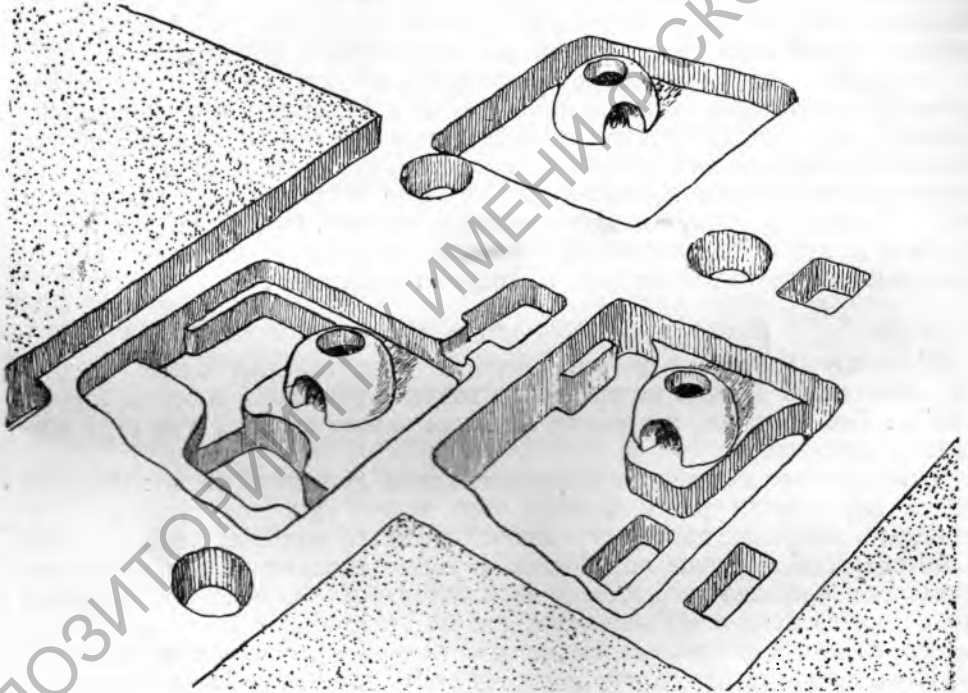

Рис. 1. Славянские жилища VI—VIII вв. (городище «Монастырище» близ Ромен)

Жилища были лишь частично углублены в землю; наземная часть состояла из бревенчатых срубов. Внутри землянок—глинобитные печи. У стен землянок расположены хлебные ямы.

Вообще для городищ этого типа характерен постепенный переход к инвентарю, типичному для эпохи Киевской Руси.

К IX—X вв. эти городища стали уже тесны для их обитателей и рядом с городищем появляется обширное селище, а городище укрепляется дополнительно и сохраняется рядом с селищем, как крепость. Возможно, что в VI—VII вв., вместо постоянного селища, существовали отдельные земледельческие заимки, перемещавшиеся в зависимости от обрабатываемых земель.

мого участка пашни в известном радиусе вокруг городища. Археологически такие недолговременные заимки неуловимы.

Может быть, именно заимки и надо понимать в словах Прокопия: «Живут они в плохих хижинах, далеко расставленных друг от друга, и часто меняют свои места жительства». Это место иногда истолковывали в смысле кочевого быта славян и антов, что совершенно невероятно.

Наличие земледелия у антов в VI в. засвидетельствовано Маврикием (плоды и просо) и Менадром (авары разоряют поля по Дунаю).

Раскопки каждого антского городища дают богатый материал по земледелию: ямы-погреба для хранения зерна (с остатками зерен в их обматке) находят по 10—15 на городище. Зерна имеются в глиняном накате пола, в обматке очагов.

Среди продукции местных кузнецов имеются серпы. Значительные площади чернозема избавляли антов от необходимости вести подсечное земледелие, а наличие рабочего скота могло уже в то время в отдельных районах привести к пашенному земледелию. Недаром создалась известная легенда о хазарской дани, где рало—плуг—было единицей обложения. Кроме того, вся история колонизации славянами и антами Балканского полуострова говорит о том, что они пришли в пределы Восточной Римской империи уже земледельческим народом и выбирали для поселения места, пригодные для земледелия.

О скотоводстве у антов говорит в первую очередь остеологический материал городищ.

Часто встречаются кости следующих домашних животных: коня, коровы, свиньи, козы, собаки, овцы. Бык у антов считался главным жертвенным животным, приносимым в жертву богу грозы (Проклопий). Разведение коней подтверждается также находками конских уборов, удила и стремян.

Во время набегов славянские дружины уводили с собою скот; Прокопий называет быков и овец, Иоанн Эфесский—коней: «В это время (580-е годы) славяне распоряжались в стране... так, что захватили все многотысячные царские стада и стада частных лиц... нажили золота и серебра и владеют стадами коней и оружием...»¹.

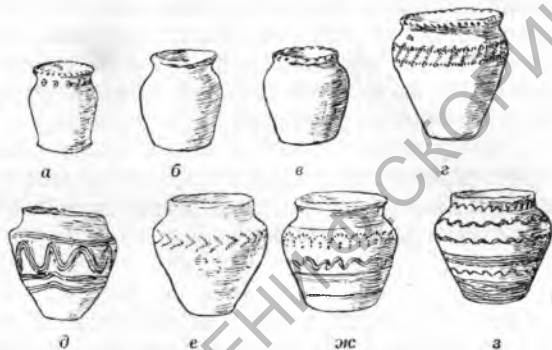

Рис. 2. Славянская керамика VI—X вв.

Горшки из нижних слоев городищ «роменского типа» близки по типу керамике сарматского времени (см. рис. а). Начиная с VI—VII вв. керамика роменских городищ эволюционирует в направлении, приводящем ее к позднейшим курганным типам славянской керамики X—XII вв. Вся городищенская керамика VI—IX вв. грубая, толстостенная, лепная.

а. Гочевское городище (Курская область)—III—IV вв. н. э. б. Городище Вашкевича (близ Ромен)—VI—VIII вв. в. Гочевское городище—VI—VIII вв. г. Гочево. Славянский курган IX—X вв. с трупосожжением. д. Городище «Монастырище» (близ Ромен) VI—VIII вв. е. Городище Вашкевича—VI—VIII вв. ж. Гочевское городище VIII—IX вв. з. Курган XI в. с. Волокитино (р. Сейм). Горшок сделан при помощи гончарного круга.

¹ Цит. по «Истории Византийской империи» Ф. И. Успенского, СПб, т. II, стр. 477.

При описании антского и славянского войска неоднократно упоминаются конные воины: в 537 г. антские и славянские всадники участвовали в походе на Италию, в 596 г. славяне после удачного похода везли из Византии добычу на телегах.

Рыболовство было очень распространено у антов и играло, очевидно, роль серьезного подспорья в антском хозяйстве. На городищах находят много рыболовческого инвентаря и рыбных костей.

Охотились (судя по остеологическому материалу) на лося, медведя, лисицу, бобра и др.

Торговля антов ограничивалась, по всей вероятности, ввозом украшений и оружия из причерноморских и придунайских городов. По данным Иордана, утургуры были посредниками в меховой торговле. Возможно, что в этом меховом экспорте была известная доля антской пушнины, шедшей в Босфор через дружественных утургуров в обмен на пальчатые фибулы, бусы и зеркала¹.

Зная умение славян и антов делать «моноксилы», лодки-однодревки, можно предполагать, что по Днепру (в низовьях которого есть антские вещи) и далее по морю велась торговля с Херсонесом, являвшимся в VI в. крупным торговым городом.

*

Общественный строй антов представляет для нас особый интерес, так как позволяет определить тот фундамент, на котором возникло Киевское государство.

Еще с XVIII в. существуют два способа изображать древних славян— один из них дает нам тихих, мирных людей вроде тех славянских гусяров, которых, по описанию Феофана, император Маврикий встретил в Даонии. Три славянина больше года шли от берегов океана к императору; единственным их оружием были гусли. Иного они будто бы и не знали. Легендарность этого сообщения так же очевидна, как и упоминания Феофана (двумя строками выше) о рождении ребенка с рыбьим хвостом².

Славяне, изображенные по второму способу, выглядят кровожадными чудовищами, поджигающими и грабящими культурные византийские города.

Сделаем попытку подойти к источникам не с точки зрения выборки из них желаемых мест, подкрепляющих определенную тенденциозную мысль, а с точки зрения синтеза всех сведений.

Целый ряд византийских свидетельств говорит нам о родовом строе у славян и антов в VI в.

«Эти народы, славяне и анты, не подчиняются одному человеку, но истари живут в демократии; поэтому обо всем, что для них полезно или вредно, они рассуждают сообща» (П р о к о п и й).

«Племена славян и антов живут вместе, и жизнь их одинакова: они живут свободно и не дают никому поработить себя или подчинить...» (М а в р и к и й).

«У них нет общей власти, они вечно во вражде друг с другом...» (М а в р и к и й).

Перед нами—картина отдельных, враждующих между собой родов

¹ Ср. Ю. Кулаковски й—К истории Босфора Киммерийского в конце VI в., «Византийский временник», т. III, 1896 г., стр. 10.

² «Летопись византийца Феофана». Перевод Оболенского и Терновского. М., 1890. стр. 204.

и племен, не спаянных еще никакой единой властью. Родовое жилище нам уже знакомо—это городище с комплексом землянок, соединенных внутренними переходами в одно целое. Объем племени по археологическим материалам еще не удалось установить; по данным же Феофана, столица одного племенного князька от границы владений другого князька отстояла на 30 фарсангов¹, т. е. приблизительный диаметр племенной территории равнялся 300 км (принимая, что столица князя Мусокия лежала в центре его земли и от нее в каждую сторону было по 300 фарсангов).

В событиях IV в. мы видим рядом с антским князем 70 старейшин. Множественность племен, меняющих свои названия, отмечена Иорданом. Несколько раз упоминается общий совет, племенное вече антов. Но это вече далеко не всегда приходит к определенным решениям, частые споры препятствуют этому.

Антский род VI в. знает кровавую месть. О мести за гостя говорит Маврикий: «Если будет гостю какой-нибудь вред по вине хозяина или по его нерадивости,—тог, кто ему доверил гостя, поднимает против него войну и считает своей с в я щ е н н о й обязанностью отомстить за гостя».

Кровавая месть за сородича-анта явилась, по всей вероятности, причиной войны между антами и склавинами после убийства Хилвуда.

Род был, вероятно, уже патриархальным, так как счет родства велся по отцовской линии («Межамир сын Идаричев»).

У антов были уже свои дружины. Судя по одному месту из «Стратегикона» Маврикия, можно думать, что часть антских дружин составлялась по древнему возрастному принципу: военную дружину составляли юноши, молодые люди.

Система религиозных представлений антов обрисована Прокопием так: «Одного бога-громовержца признают они владыкой всего мира и в жертву ему приносят быков и всякого рода священных животных. Судьбы они совсем не знают и не приписывают ей никакого влияния на людей... Поклоняются также рекам и нимфам и другим божествам и всем им приносят жертвы; при этих жертвоприношениях гадают».

В этом неполном, беглом очерке мы узнаем анимистические представления, характерные и для более позднего времени. Поклонение источникам и кладезям в дальнейшем явится объектом наиболее частых нападок церкви. Громовержец—это, разумеется, Перун. Археология может добавить родовые кладбища, веру в загробную жизнь (погребения с вещами).

Искусство родового общества антов нам почти совершенно неизвестно. Можно только предполагать, что оно было теснее связано с культом, чем в позднейшее время. Открытие изумительной преемственности культовых изображений между скифо-сарматским миром и позднейшим славянским позволяет предполагать, что анты были неизбежным промежуточным звеном, воспринявшим часть скифо-сарматских религиозных представлений и передавшим их Киевской Руси, а через нее и далее².

Глиняные изображения Матери-Земли, вышивки на полотенцах с изображением этой же богини и всадников около нее («убрусцы» почти всегда сопровождают культ источников и деревьев)—все это скифское наследие теоретически надо предполагать у антов.

Выше был рассмотрен родовой строй у антов в его еще не нарушенном

¹ Там же, стр. 205—206.

² В. А. Гор од ц о в—Дако-сарматские элементы в русском народном гворчестве. Труды Гос. Исторического музея, 1926. Так же Л. А. Д и н ц е с—Русская глиняная игрушка. М.—Л., 1936.

виде, но VI столетие, когда византийцы вплотную столкнулись с нахлынувшими на них волнами антов и славян, тем и интересно, что наряду с классическими чертами родового общества намечается целый ряд новых явлений, разрушающих незыблемость первобытно-общинных отношений.

Именно в это время появляются новые городища, укрепления которых свидетельствуют об усилении межродовых столкновений, о связанном с этим росте дружин. В VI в. антские племена составляют союз, иногда противопоставляемый склавинскому союзу.

Во время военной опасности мы видим уже во главе антского союза не 70 старейшин с военным вождем Божем, а одного влиятельного и родовитого человека, который своею властью мог разрушить завоевательные планы аваров. По свидетельству Менандра, около 558 г., когда авары воевали с антами, в ханскую ставку был послан ант Межамир Идарич, брат Келагаста, для выкупа пленных. Межамир держал себя с хаканом дерзко и надменно. Один кутургур уговаривал хана: «Этот человек имеет большую власть у антов и может сильно повредить своим врагам. Нужно убить его, а потом без всякого страха напасть на их землю». Убийство Межамира действительно принесло аварам временную победу¹. Межамир Идарич мог быть князем целого племенного союза антов, так как иначе он не был бы так страшен для аваров. Указание на его отца и брата говорит о его родовитости, а, может быть, и о том, что власть такого князя превращалась в наследственную.

Спустя двадцать лет после этих событий Менандр рисует еще одну картину славяно-аварских отношений. На этот раз действие происходит на Нижнем Дунае, где поселения антов и славян соприкасались. «Аварский хакан (Баян) отправил посольство к Лаврите (вариант: Дабрите) и к важнейшим князьям славянского народа, требуя, чтоб они покорились аварам и обязались платить дань. Лаврита и славянские князья отвечали: «Родился ли на свете и согревается ли лучами солнца тот человек, который бы подчинил себе силу нашу? Не другие нашу землю, а мы чужою привыкли обладать. И в этом мы уверены, пока будут на свете война и мечи»².

Князь, подобный Лаврите, стоял во главе «важнейших князей народа», привык к завоевательным походам и возлагает большие надежды на мечи своей дружины. Неудивительно, что византийские политики прилагали все усилия к тому, чтобы разъединить славянские и антские племена и не дать им объединиться под общей единой властью (М а в р и к и й). Одним из приемов византийцев было приглашение антских и славянских князей на византийскую военную службу.

Уже в 469 г. начальником фракийских войск был Анангаст, ант или славянин по происхождению.

В 530-е годы ант Хвилибуд (Хилвудий) начальствует над греческими гарнизонами по Дунаю (его, анта, направили не против сородичей-антов, а против склавинов).

В середине VI в. на высоком посту начальника византийской черноморской эскадры видим анта Доброгаста. В это же время в числе военачальников упоминается ант Всегорд.

Но эти меры, применявшиеся еще Римом по отношению к германским вождям, не могли предотвратить катастрофы. Рим был завоеван германскими дружинами в V в., Византия была завоевана антско-славянскими

¹ «Византийские историки». Перевод Спиридона Дестуниса. СПб, 1861, стр. 324—325.

² Там же, стр. 434.

дружинами в VI в. Однородность этого процесса и на Западе и на Востоке, к сожалению, мало привлекала внимание историков.

Приведенные выше характеристики антских и славянских князей, сопоставленные с другими явлениями (появление дорогих боспорских вещей в краю антов, возведение укреплений и т. д.), могут говорить о «развивающейся из родового строя военной демократии» (Э н г е л ь с) у антов в VI в.

Славянские и антские дружины в VI в. состояли из пеших и конных воинов, вооруженных тяжелыми щитами, мечами, метательными копьями, луками и стрелами с ядовитыми наконечниками. Они умели строить лодки, умели хорошо биться в лесах и ущельях, используя различные военные хитрости, умели скрываться от врага под водой, дыша через тростник.

Застигнутые в походе, они устраивали укрепление из телег, как это делали русские дружины XI—XIII вв. в половецкой степи.

Все авторы подчеркивают силу, выносливость и храбрость славян и антов. В VI в. антские дружины формировались еще по возрастному принципу; Маврикий, говоря о дружинниках, называет их «молодыми людьми».

Содружества юношей-воинов явились первичной формой дружин, еще очень тесно связанной с родовым строем, но переход от первоначальной цели таких содружеств—добывания жен (отсюда «дружки» в позднейших свадебных обрядах и «князь»—жених) к грабительским и завоевательным походам означал уже уклонение от родовых отношений.

Слова Энгельса, характеризующие высшую ступень варварства, вполне могут быть применены к антам VI в.: «Богатства соседей возбуждают жадность у народов, которым приобретение богатства представляется уже одною из важнейших жизненных целей. Они—варвары: грабеж им кажется более легким и даже более почетным, чем упорный труд»¹. Вот именно в таком положении оказались приднепровские и придунайские анты к VI в.

Военные дружины привлечены блеском Восточной Римской империи, и их вожди, их князья прокладывают пути к богатым греческим городам.

«С того времени, как Юстиниан принял господство над Ромеями (527 г.), гунны, славяне и анты, почти ежегодно опустошая Империю и всю Фракию, приносили жителям этих стран непоправимые бедствия. При каждом вторжении убитых и взятых в плен ромеев было больше, чем по 20 мириад. Вся земля становилась какой-то скифской пустыней» (П р о к о п и й).

Отдельные набеги антских дружин начались еще раньше, около 519 г., а затем следует целая цепь печальных повествований византийских и готских историков о том, как «теперь за грехи наши они повсюду свирепствуют» (И о р д а н).

О времени императора Тиверия (578—582 гг.) церковный историк Иоанн Эфесский пишет, что славяне, «занимаясь грабежом, убийствами и поджогами, разбогатели, нажили золота и серебра и владеют стадами коней и оружием, научившись военному делу лучше самих ромеев. А между тем, это были простые люди, которые не смели выходить из своих лесов и не умели пользоваться оружием»².

Начиная с VI века история антской земли очень напоминает историю Киевской Руси в эпоху Святослава: основное население живет на своих старых местах, а дружина «чюжея земли ищет и блюдет, а своя ся охавив».

¹ Ф. Э н г е л ь с—Происхождение семьи... Партиздат ЦК ВКП(б), 1937, стр. 157.

² Ф. У с п е н с к и й, назв. соч., стр. 465 и 477.

История антов раздваивается, часть их попрежнему занимает Приднепровье, часть же завоевывает Балканский полуостров и остается там, теряя свое специфическое имя антов и растворяясь в общей массе славян.

Но так же, как Святослав, в конце концов, вернулся в Киев, так и князь VI в. очень часто ограничивались только набегом на Византию и возвращались домой на берега Днестра, Днепра, Десны, Сейма и Ворсклы.

«Анты, ворвавшись в страны фракийские, ограбили и захватили в плен множество тамошних ромеев, которых увели в свое отечество» (Прокопий).

Менялась ли коренная антская земля, их отечество, от этих походов? Достаточно взглянуть на археологическую карту, чтобы убедиться в существенных изменениях. Вдоль всей лесостепной полосы идет целая цепь кладов дорогих византийских вещей из золота и серебра с клеймами константинопольских мастерских, с надписями епископов окраинных византийских городов. Из наиболее известных назову клады суджанский, обоянский, перещепинский¹. Клады зарыты на территории, насыщенной антскими городищами. Обилие кладов напоминает слова Маврикия: «Они закапывают в землю в потайных местах, скрывая от глаз, все, что только приобретают».

Вещи, находящиеся в кладах, датируются не ранее IV—V вв.; следовательно, V—VI вв. являются наиболее вероятной эпохой их зарытия новыми владельцами, т. е. как раз то время, когда анты ежегодно нападают на Византию.

Плохая традиция археологической науки стремилась распределить эти клады между любыми народами, так или иначе упоминавшимися в связи с Восточной Европой, но ни разу не назвала антов. Эти клады приписывали готам, хотя все они были зарыты спустя сотни лет после ухода готов из степей, приписывали их аварам, хотя авары в южнорусских степях были всего лишь десяток лет. Настоящими хозяевами этих сокровищ надо считать антов, грабивших в VI в. византийские города и возвращавшихся с добычей на родину. Некоторые клады накапливались, очевидно, несколькими поколениями. Клады содержат в себе кубки, кувшины, блюда, фалары, браслеты, аграфы, мечи, пряжки и т. д.

Вес золота в некоторых кладах превышает 20 килограммов². Совер-

¹ См. литературу вопроса: Л. А. М а ц у л е в и ч—Погребение варварского князя в Восточной Европе. Новые находки в верховье реки Суджи. М.—Л., 1934; «Восточное серебро», СПб, 1909; А. А. Б о б р и н с к и й—Перещепинский клад («Материалы по археологии России», № 34, Птр., 1914).

Значительная часть кладов находится в музеях нашего Союза и пока еще не опубликована.

² В составе перещепинского клада, к которому относится эта цифра, были: блюда и вазы, тарелки, кувшины, вызолоченная амфора с греческой надписью, 10 стаканчиков, 11 золотых кубков со специальным приспособлением для звона, ритон, гривна, браслеты, два меча, пара стремян, многочисленные нашивные бляшки, подвески, накладки на седло и византийские монеты VII в. На одном блюде имеется надпись: «Из ветхости возобновлено Патерном, почтенным епископом нашим. Аминь». Среди вещей имеются обломки епископского посоха. Патерн был епископом Скифии в 520-х годах. Его резиденция, город Томи, неоднократно подвергалась нападению варварских отрядов.

В 544 г. епископам городов Томи и Одессы было предписано продавать церковное имущество для выкупа пленных. Возможно, что именно тогда какой-то приднепровский князь и получил это блюдо. Впоследствии имущество его все время пополнялось и сокровище было зарыто его потомком во второй половине VII в.

Рис. 3. Клад, найденный у с. М. Перещепина (близ Полтавы). Клад содержит золотые и серебряные вещи восточной и византийской работы IV—VII вв. Перещепинский клад является наиболее крупным из одновременных ему сокровищ в Среднем Приднепровье

шенно естественно, что владельцы подобных сокровищ были неизмеримо богаче своих сородичей. Появилось имущественное неравенство, возставшее с каждым удачным походом.

Результатом имущественного расслоения и вероятных попыток военачальников закрепить свою власть явились конфликты между племенем и его князем. Лев Мудрый говорит о том, что славянам приходится сносить обиды и несправедливости от своих старшин.

Удачные походы имели еще одно важное последствие: они увеличивали количество рабов-военнопленных. При решении вопроса о рабстве у славян и антов в VI в. обычно приводят известное свидетельство Маврикия: «Тех, кто находится у них в плену, они не держат в рабстве бессрочно, подобно другим народам, но ограничивают их рабство известным сроком. после чего отпускают их, если они хотят, за некоторый выкуп, в их землю или же позволяют селиться с ними, но уже как свободным и друзьям». Это известие отражает безразличное отношение славян и антов к институту рабства. Ограниченный срок рабства, незначительный выкуп, предоставление права свободного поселения—все это действительно характеризует патриархальное рабство. Правда, и такое рабство имело значение: отпущенные на свободу пленные, будучи поселены в земле антов, должны были неизбежно разлагать кровно-родственные связи рода и постепенно превращать его в территориальную общину.

Но можно усомниться в правильности слишком широкого толкования слов Маврикия. Целый ряд походов кончался захватом огромного количества пленных: «Наконец, они пресытились кровью и возвратились домой с бесчисленными тысячами пленных»,—пишет Прокопий. Захват пленных терял всякий смысл, если победители не получали выгоды от рабов. Возврат пленных на родину также не был так прост, как изображает его Маврикий. Один грек, попавший в плен к антам, вынужден был пуститься на хитрость, «не будучи никоим образом в состоянии возвратиться в ромейскую землю» (П р о к о п и й).

Далее Прокопий говорит о покупке раба антом у славянина. Делать отсюда вывод о существовании широко развитой работорговли нельзя, но факт сам по себе примечательный. Попутно интересно отметить одну архаическую черту антского права: раб, купленный антом у славян, оказался также антом по происхождению, попавшим ранее в плен к славянам. Купленный раб сильно разочаровал своего нового господина: он заявил, что он родом ант и что теперь, «так как он возвратился на родину, то он по з а к о н у и впредь будет свободен». Деньги, уплаченные за него, пропали, так как по закону ант, вернувшийся на родину, должен быть свободен. Никакого понятия о долговом рабстве здесь еще нет. Получение антами выкупа за плененных во время набега византийцев являлось уже первичной, еще не развернутой формой работорговли. Раб-военнопленный не превращался в товар, его «отпускали» на родину, но у антского дружинника, получившего этого раба при разделе добычи, оказывалась известная сумма жизненных благ после того, как его раб выкупался на волю.

Достаточно было где-нибудь поблизости появиться спросу на рабов, как эти военнопленные стали бы попадать на ближайший рынок. Эпизод с уграми, продававшими на Босфоре рабов, захваченных в Приднепровье и в Подонье, может пролить свет и на более ранние отношения. С установлением в эпоху хазарского каганата более живых и прочных связей с Востоком, можно предполагать и появление рынка рабов. Отпуск пленных

на родину за выкуп (отмеченный для VI в. Маврикием) предусмотрен также и договором Олега с греками. «Также еще отъ рати ять будеть отъ тѣхъ Гръкъ также да възвратится въ свою страну и отъдана будеть цена его, якоже речено естъ, якоже естъ купля» (А. А. Шахматов — Повесть временных лет. Петроград, 1916, стр. 38).

В начале X в. подобный выкуп существовал рядом с торговлей пленными, в VI в. выкуп являлся предшественником работорговли.

Некоторый свет на положение рабов проливают погребальные обычаи антов.

«Женщины их разумны более, чем свойственно человеческой природе: многие из них признают смерть своих мужей как бы концом своей собственной жизни и сами, по доброй воле, дают себя удавить, не считая жизнью пребывание во вдовстве» (Маврикий). Здесь мы имеем, разумеется, не боязнь вдовства, а явление, сопутствующее рабству, порожденное рабством, — ритуальное убийство рабов (рабынь) на могиле господина. Красочный рассказ Ибн-Фадлана, бывшего свидетелем такого жертвоприношения, может быть подкреплен рядом других арабских свидетельств и большим количеством парных погребений в дружинных курганах IX—X вв., где умершему дружиннику клали в могилу убитую рабыню.

Всеми авторами подчеркивается то обстоятельство, что этот обычай применим только к богатым. Ибн-Хаукаль: «с богатыми же из них сожигаются их девушки», Ибн-Росте: «когда умирает у них кто-либо из знатных, то выкапывают ему могилу... наконец, кладут в могилу живую и любимую жену покойника». Ибн-Фадлан говорит, что убийство рабыни делается только на могиле знатных руссов. Ибн. Мискавейх: «С умершим дружинником хоронили жену или вообще кого-нибудь из женщин или раба»¹.

Погребальные обряды антов VI в. свидетельствуют о значительном развитии института рабства, а также и о подчиненном положении женщины.

Закончив беглый обзор социального строя антов, подведем некоторые итоги. Наряду с существованием развитых родовых отношений, мы отмечаем у антских племен в VI в. рост дружин, усиление военных вождей, создание племенных союзов и органов военной демократии, организацией далеких грабительских и завоевательных походов, обогащавших князей и дружинников. Мы отмечаем у них резкое имущественное неравенство, наличие рабства, возрастающего по мере учащения грабительских походов.

Хозяйственной базой антского общества были земледелие и скотоводство. Районом, где указанный процесс разложения родовых отношений протекал особенно интенсивно, являлось в V—VII вв. Среднее Приднестровье, более узко — окрестности Киева.

Все это вместе взятое позволяет считать антов VI в. находившимися на высшей ступени варварства, на той ступени развития общества, которой норманны достигли только к эпохе викингов, т. е. к IX в. (Энгельс)².

Бегло ознакомившись с географическим положением, хозяйством и социальным строем антов в VI столетии, перейдем к такому же беглому обзору истории антов³.

¹ «Памятники истории Киевского государства», Сост. Кочин, под ред. Б. Д. Грекова. М.—Л., 1936, стр. 37—40, 44, 57, 74.

² Ф. Энгельс, цит. соч., стр. 25.

³ Факты из внешней истории антов, собранные еще Штриттером, приведены также Успенским в его «Истории Византии» и Грушевским в его статье «Анти» в «Записках Наукового Товариства імени Шевченко», т. XXI, Львов, 1898.

Древнейшие эпиграфические следы антов в керченских надгробиях III в. натолкнули А. И. Соболевского на мысль, что личное имя "Αντας говорит о том, что около времени нашей эры скифское племя с этим названием жило близ Азовского моря и его имя употреблялось, как и другие этнографические названия, у местных огреченных скифов, как личное¹.

Связь антов с культурами скифо-сарматского круга намечается также и по линии археологической, так как подстилающим слоем антских городищ иногда оказывается сарматский. Но этот сложный вопрос об этногенезе антов без детальных исследований не может быть решен.

Во всяком случае, антские племена сидели в той части Восточной Европы, которая в свое время была занята скифами. Северная граница антов примерно совпадает с северной границей скифских городищ и курганов.

Естественно, что наличие такой подосновы отличало исторический процесс у антов от такового у более северных племен. В северо-восточной части антской культуры встречается много черт, роднящих ее с позднедьяковскими городищами первых веков нашей эры.

Под 375 г. впервые упоминаются анты, как население Приднепровья. После смерти Германариха остготский король Винитар, «стремясь показать свою храбрость, пошел войною на антов. Напав на них, он в первой битве был разбит, но потом победил и распял их царя Божа с его сыновьями и 70 старейшинами в качестве страшного примера, чтобы висевшие трупы внушали большой страх подданным» (И о р д а н). Вскоре Винитар был убит гуннским ханом Баламиром, и готы были покорены, а вскоре и совершенно очистили Причерноморские степи.

В V в. нет никаких упоминаний об антах. Известно, что в это время в гуннских и византийских войсках служили славяне. К концу V в. славянские дружины начинают появляться у северной границы Византии, а в VI в. началось чуть ли не ежегодное проникновение славян и антов за рубежи империи. Фракийская граница была ослаблена восстанием Виталиана 514—515 гг., и вот уже около 519 г. анты, перешедшие большим войском Дунай, вторглись в землю ромеев. Временно их удалось удержать стратегу Герману; на несколько лет наступает затишье.

Но с 527 г., когда воцарился Юстиниан, анты и славяне грабят Византию, увозя пленных. Около этого времени в Приднепровье появляются клады, составленные из захваченных во время походов вещей. Вполне возможно, что, кроме юго-западного направления походов, в это время (а, может быть, и несколько раньше) существовало и южное направление на причерноморские города, так как на это указывает состав кладов. На VI в. падают все те изменения в социальном строе антов, которые были указаны выше. Внутренние изменения порождали грабительские походы, а эти походы, в свою очередь, усиливали внутренние изменения, приводившие к распаду первоначальных родовых отношений.

В VI в. часть приднепровских дружин вступает на путь широких вторжений в Восточноримскую империю. С этого времени антов можно встретить и на Дунае, и в Италии, и далеко в глубине Балканского полуострова, и в районе Азовского моря, а возможно, что и Малая Азия и арабский халифат, и Кахетия видели у себя рослых и сильных антских воинов, известных им под собирательным именем славян.

¹ А. И. Соболевский—Русско-скифские этюды (ИОРЯС АН. 1921, т. XXVI, стр. 8).

Анты наряду со славянами становятся грозой для Восточной Римской империи.

Юстиниан строит для защиты от них 80 крепостей от Дуная до Белгорода на Черном море. Всего в Европейской части империи построено около 600 крепостей. Мы не останавливаемся на походах славян в Византию, поскольку в предшествующих статьях об этом уже шла речь.

В VII в. византийские историки перестают интересоваться антами. У них много дела с аварами и с теми славянами, которые уже хозяйничали внутри империи. Болгарская орда Аспаруха окончательно отрезала антов от Византии в 675 г.

В VII в. завоевание Византии проводится особенно интенсивно; славянские отряды идут на Солунь и далее на юг, доходя до древней Спарты, где разместились славянские племена Езерцев и Милян. После того как авары собирались «в конец истребить» дунайских антов, возможно, что им и удалось изолировать их от Византии, тем более, что аварам в начале VII в. стали подчинены и болгары. Любопытно отметить, что вскоре после этого появляются флотилии славянских монокилов-однодревок в Мраморном море, в Геллеспонте, в Эгейском море. Славяне с моря осаждают Царьград, нападают на берега Малой Азии, на Эпир, Ахайю.

В 610 г. с моря и с суши осаждают Солунь, в 623 г. славянский флот нападает на Крит, в 642 г. славянская флотилия предприняла далекий морской поход в Южную Италию. Очень соблазнительно поставить в связь эти морские походы с событиями на Дунае: авары оттеснили антов, издавна владевших морским побережьем, от Византии и тем самым вынудили их предпринимать морские походы. Отмечу, что пополнение антских сокровищ византийскими вещами в VII в. не прекратилось.

В Восточной Европе в это время формировалось и укреплялось Хазарское государство, постепенно втянувшее в свою орбиту и ряд антских племен (позднейшие поляне, северяне, радимичи, вятичи).

В VII в. у западных славян возникает в борьбе с аварами мощный племенной союз чехов, моравян, хорутанцев и сербов с Само во главе (627—662 гг.).

В VIII в. складываются племенные союзы у полабских славян. Вероятно, в это же время на территории антов формируются те племена, которые известны нам по летописи.

Материальная культура древнерусских племен IX—XI вв. сохранила много общих черт с материальной культурой антов. Непосредственная преемственность чувствуется во многом. Височные кольца, подвески, бусы и т. д. сближают антские клады с курганами Киевской Руси.

Антские мечи (послужившие, вероятно, материалом для известной легенды о полянской дани хазарам) имеют ряд аналогий в мечах X в. (не франкского типа).

Антские клады восточного и византийского серебра объясняют появление в Киевской Руси таких высокохудожественных изделий, как оковка турьих рогов из Черной могилы.

Даже известные знаки Рюриковичей, которыми киевские князья метили все свое имущество, и те восходят к антским прототипам VII в. Города Киевской Руси не могут быть поняты без учета истории антских городищ.

Центр антской культуры—Днепр в районе Десны и Роси—совершенно закономерно подготовил центральное положение Киева. В связи с центрами Руси в IX—X вв. необходимо напомнить, что арабы называли их

три: Куяба, Артания и Славия (Новгород). Из них первые два—Куяба-Киев и Артания—относятся к южной части, т. е. к антам. Таким образом, Киев был центром не только Руси IX в., но и центром антского Поднепровья в VI—VIII вв.

Рис. 4. Вещи из кладов и погребений антской эпохи в сравнении с вещами из славянских курганов эпохи Киевской Руси

Традиции антской эпохи хорошо прослеживаются в лесостепной полосе в ранних курганах с трупосожжениями IX—X вв. В XI—XII вв. они сохранялись еще в инвентаре курганов Радимичского Полесья.

а. Слева: подвеска VI в. (Пастерское городище, Киевская обл.). Справа: подвеска из радимических курганов XI в. б. Слева: подвеска VI в. (Пастерское городище). Справа: подвеска из кургана X в. с трупосожжением (Орловская обл.). в. Слева: подвеска из кладов VI—VII вв. (Правобережье Днепра). Справа: подвеска из кургана IX в. с трупосожжением (близ Путивля). г. Слева: сердоликовые бусы из погребений VI—VII вв. Справа: бусы из северянских, радимических и полянских курганов X—XI вв. д. Золотые аграфы V—VI вв. (станция Романовская на Дону) и бляшка из перещепинского клад; застежки из кургана «Гульбище»—X в. близ Чернигова. е. Слева: стилизованное изображение коней VI в. (Пастерское городище). Справа: гребень из славянских курганов XI в. ж. В середине—височные кольца изклада VII в. в с. Железницах (Верхняя Ока). По краям: височные кольца из радимических курганов X—XI вв.

«Артания», «Арта» сопоставляется с «Вантит» и локализуется в пределах Тмутараканского княжества (см. V. A. M o s i n, ук. соч.). Боспорские надписи с именами антов (Жерчь входила в состав русского Тмутараканского княжества) и указания Прокопия на соседство антов с Азовским морем и утургурами могут говорить за то, что и черноморский центр Руси также имел свою антскую подоснову, а имя антов сохранилось в форме Арта или Вантит.

Вещественные памятники свидетельствуют, что культура, созданная в VI столетии антскими племенами, послужила основой для Киевского государства, для богатой и яркой культуры Киевской Руси. Антские племена, достигшие уже в VI в. высшей ступени варварства, стояли в X—XI вв. на пороге цивилизации.

Многие явления киевской жизни X—XI вв. уходят корнями в антскую эпоху: земледелие, скотоводство, рабство, сожжение рабынь на могиле князя, накопление сокровищ и т. д. Киевские князья X века говорили на том же языке, что и анты в VI в., верили в того же Перуна, плавали на тех же «моноксилах» и по тем же старым антским путям.

Войны Святослава с Цимисхием переносят нас далеко назад, когда вокруг того же Доростола шла борьба между антами и византийцами.

Возможно, что отзвуком древних антских походов к границам Византии является комментарий автора «Повести временных лет» к рассказу о Кие, Щеке и Хориве.

Анты—не только предки восточных славян, но и создатели всей их культуры. Предшественниками Олега и Игоря были Межарим Идарич, Хвилибуд и неизвестные нам по именам владельцы приднепровских кладов.

Начало в IX в. грабительских набегов норманнов, привлеченных богатством Киева и его окружения, норманнов, только что вступивших в ту стадию развития, которую приднепровские славяне уже изживали, никакой эпохи не составило и не могло составить.

Варяги не могли создать никакой новой культуры, не могли повлиять на способ производства, на социальные отношения: горсточка искателей приключений попала в старую, устойчивую приднепровскую культурную среду и очень быстро совершенно растворилась в ней. «Варяжская закваска»—это недоброкачественный миф, созданный норманистами и поддерживаемый современными фашистами. Предпосылки для создания государства Ярослава Мудрого начали накапливаться не в IX в., а за триста лет до варягов, в силу чего и историю Киевской Руси надо начинать не с Рюрика и Олега, а с Божа и Межамира, с первых походов на Византию в VI столетии.

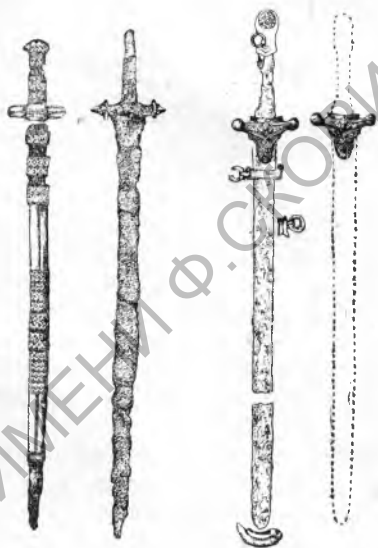

Рис. 5. Мечи V—VII вв. в сравнении с мечами X в. Слева направо: Меч из перещепинского клада VI в. Меч из клада в Орловской области V—VI вв. Меч из кургана XI в. (Гочево, Курской обл.). Перекрестие меча XI в. (Княжеская Гора близ Канева).